

РОЛЬ ПРИРОДНОГО ФАКТОРА В СРАЖЕНИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ В 1942–1943 гг.*¹

The Role of the Natural Factor in the Battles of the Great Patriotic War in the South of Russia in 1942–1943

Е. Ф. Кринко (E. Krinko)¹

¹доктор исторических наук, зам. директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ph. D. of History, Deputy Director at the Institute of Socio-Economic and Humanities Researches of the Southern Scientific Center of the RAS). E-mail: krinko@ssc-ras.ru

В статье проведен анализ влияния природного фактора на военную историю России. Природные условия определяли выбор военной стратегии и тактики, состояние и систему снабжения войск, а в немалой степени — и результаты боевых операций. При подготовке наступательных операций стали использоваться макеты местности, позволявшие детально представить особенности предстоявших сражений. Это стало одним из важнейших условий Победы, начало которой было заложено в сражениях 1942–1943 гг. на юге страны.

Ключевые слова: природные условия, военная стратегия и тактика, Великая Отечественная война, юг России, Кавказ, Сталинград, Астраханское направление, Донской оборонительный рубеж, Калмыкия.

The paper examines the influence of the natural factor on the military history of Russia. It is natural conditions that determined the choice of military strategy and tactics, the state of the system and supply of troops, and to a large extent - and the results of combat operations. The major part of the territory in the south of the country (1250 km from Voronezh to Ordzhonikidze, from north to south and 1,000 km from Taman to Astrakhan from west to east) was turned into a combat zone from the summer of 1942 to the autumn of 1943. It is characterized by various forms of relief (from the plains and lowlands to highlands), climatic zones (from temperate continental to subtropical) and native zones (from the steppes to the semi-desert and glaciers). Various natural conditions had different effects on the course of military operations. Analyzing combatant operations in the south of the country it became evident that the Soviet military commanders didn't always take into account the influence of natural factors. Hundreds of thousands of ordinary soldiers and commanding officers with much effort and loss of their lives had to correct the errors of the military commanders in order to improve the situation. Only after the radical turn in the Great Patriotic War, the Soviet tactics underwent major changes. For instance, when planning offensive and defensive operations, one took into account natural factors. In particular, terrain models were studied to present the features of the upcoming battles in detail. This was one of the most important conditions for the victory, the beginning of which was laid in the battles of 1942–1943 in the south.

Keywords: natural conditions, military strategy and tactics, the Great Patriotic War, South of Russia, the Caucasus, Stalingrad, Astrakhan direction, Don defensive line, Kalmykia.

Влияние природного фактора на военную историю России давно и безуспешно обсуждается в отечественной науке. Однако его роль в сражениях Великой Отечественной войны на юге страны в 1942–1943 гг. практически не нашла специального отражения в историографии, за исключением ряда недавних публикаций [Матишов, Кринко, Артюхин 2014; Krinko 2014].

Между тем именно природные условия нередко определяли выбор военной стратегии и тактики, состояние и систему снабжения войск, а в немалой степени — и результаты боевых операций.

Общий замысел летней кампании вермахта, план которой был утвержден Гитлером 5 апреля 1942 г., предусматривал, что «все имеющиеся в распоряжении силы

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942-1943 гг.).

должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет» [Дашичев 1973: 321]. Вследствие поражений под Харьковом и в Крыму Красная Армия утратила стратегическую инициативу к началу лета. 28 июня танковые и моторизованные соединения противника, прорвав советскую оборону, устремились на юг. Не выдержав натиска, части РККА отошли, понеся огромные потери. Дальнейшее наступление войск вермахта и его союзников развивалось по двум основным направлениям — на Кавказ и на Сталинград. Продвижение противника удалось остановить только на Волге и в предгорьях Кавказа, а в конце осени советские войска перешли в контрнаступление под Сталинградом, ставшее началом коренного перелома в Великой Отечественной войне в целом. В начале 1943 г. началось освобождение территории Северного Кавказа. Но советское наступление остановили два немецких оборонительных рубежа — Миус-фронт в Приазовье и «Голубая линия» на Тамани. Первый из них удалось прорвать к концу лета, а второй — осенью 1943 г. [Матишов, Афанасенко и др. 2012: 193].

В результате в зоне боевых действий на юге страны с лета 1942 г. до осени 1943 г. оказалась значительная территория: в 1 250 км от Воронежа до Орджоникидзе (в настоящее время — Владикавказ) с севера на юг и в 1000 км от Тамани до Астрахани с запада на восток. Она характеризуется различными формами рельефа (от равнин и низменностей до высокогорья), климатических поясов (от умеренно континентального до субтропического) и природных зон (от степей до полупустынь и ледников). Различные природные условия оказывали разное воздействие на ход боевых операций.

В начале немецкого наступления летом 1942 г. и советского контрнаступления зимой 1942–1943 гг. главные боевые действия разворачивались в степях Дона, Нижней Волги и Северного Предкавказья. Отсутствие высоких гор, непроходимых лесов и топей создавало впечатление, что пространство степи было максимально удобно для наступательных операций и передвижения войск. Действительно, в хорошую погоду местность просматривалась на значительном расстоянии. Непосредственный

участник боев, Маршал Советского Союза (в июле 1942 г. — генерал-лейтенант) В. И. Чуйков писал: «Видимость в степи была идеальна — километров на восемь — десять» [Чуйков 1980: 54]. Но данная территория изобиловала холмами, оврагами и балками, реками и ручьями, затруднявшими передвижение войск. Маршал Советского Союза (осенью 1942 г. — генерал армии) Г. К. Жуков отмечал преимущество перешедшего к обороне противника: «Местность на участке Сталинградского фронта крайне невыгодна для наступления наших войск — открытая, изрезанная глубокими оврагами, где противник хорошо укрывается от огня. Заняв ряд командных высот, он имеет дальнейшее артиллерийское наблюдение и возможность во всех направлениях маневрировать огнем» [Жуков 1968: 35]. Особые сложности возникали для танковых и механизированных частей, составлявших основу ударных соединений как РККА, так и вермахта. Им приходилось ориентироваться на сложившуюся транспортную инфраструктуру. Между тем сеть грунтовых дорог в данном регионе была плохо развита, существовавшие пути в подавляющем большинстве не имели каменного и другого твердого покрытия, в дождливое время становились труднопроходимыми. Слабо развита была здесь и железнодорожная сеть, являвшаяся основой военно-транспортного сообщения в СССР [ЦАМО РФ, ф. 15, оп. 977444, д. 121].

Для рек юга страны характерно асимметричное строение, чаще с высокими крутыми правыми и пологими низменными левыми берегами. В отдельных местах разница между берегами достигает до 100 м, давая возможность просматривать местность на левом берегу на расстоянии в 20–25 км. Командующий 4-й танковой армией, занимавшей в ноябре 1942 г. позиции в излучине Дона между станицами Клетской и Трёхостровской, генерал П. И. Батов вспоминал: «Впереди, подобно крепостям, возвышались занятые противником высоты. При свете ракет поблескивали их крутые меловые скаты» [Батов 1968: 524]. Поэтому использование рек в качестве оборонительных рубежей было более благоприятно для противника, чем для советских войск, и при обороне, и при наступлении действовавших на низких и открытых левых берегах.

Предвидя возможность наступления вермахта на южном направлении, советское

руководство заблаговременно приняло решение о подготовке здесь эшелонированной обороны. Еще 13 октября 1941 г. Государственный комитет обороны СССР постановил создать Сталинградский, Донской и Северо-Кавказский оборонительные рубежи. Строительство возлагалось на 5, 8, 9 и 10-ю саперные армии, а также местное население. Только на строительство Донского рубежа (от станицы Верхнекурмоярской до села Кагальник) протяженностью в 450 км предполагалось мобилизовать 300 тыс. жителей. Однако эти решения не были выполнены, а к концу февраля 1942 г. в связи с изменением ситуации на фронте оборонительные работы на большинстве участков были прекращены [Маляров 2000: 108].

Весенний паводок 1942 г. нанес огромный ущерб уже построенным оборонительным сооружениям. Особенно пострадал Донской оборонительный рубеж, затопленный водой от станицы Цимлянской (в настоящее время — город Цимлянск) до Азовского моря, из-за чего большинство сооружений пришлось в негодность. Восстановительные работы здесь так и не начались, поскольку долина реки не успела просохнуть, а ряд районов от станицы Николаевской до устья к 10 июля оставался залитым водой. Восстановительные работы на рубеже обороны между станицами Верхнекурмоярской и Семикаракорской (в настоящее время — город Семикаракорск) планировалось произвести к 20 июля, но этому помешали начавшиеся боевые действия. К 5 июля силами 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии было построено семь оборонительных эскадронных районов от Семикаракорской до Багаевской, а силами 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии — четыре батальонных района от Манычской до Ольгинской (50–60 % запланированного объема). Между Ольгинской и Кагальником 91-я стрелковая дивизия построила семь батальонных оборонительных районов (80 % объема работ). Так и не были установлены железобетонные колпаки, не закончены дзоты. Ранее построенные батальонные районы остались залитыми водой, а в тех, где вода сошла, грунт не просох [ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 760, д. 5, л. 73–83].

10 июня Ставка ВГК постановила немедленно приступить к строительству и восстановлению отсечного рубежа от Северского Донца до Дона и Сталинградского рубежа, управшегося обоими концами в Дон. Обо-

ронительные рубежи под Сталинградом возлагались на 7-ю резервную, по восточному берегу Дона — на 5-ю резервную армии. Общая численность жителей Сталинграда, занятых на оборонных работах, достигла 225 тыс. чел. [История Коммунистической 1970: 335–336]. Полным ходом велись работы по восстановлению и других рубежей. Но сделать все запланированное не удалось: по приказу командования 62-я и 64-я советские армии были брошены навстречу противнику без заранее подготовленных оборонительных рубежей. В. И. Чуйков писал: «Мы не успели использовать естественные преграды — реки, речушки и овраги, которые можно было легко усилить инженерными сооружениями и сделать труднодоступными для наступающего; позиции были размещены в голой степи, открыты для наблюдения и просмотра их как с земли, так и с воздуха. Много получилось разрывов между обороняющимися подразделениями и частями, особенно на правом фланге, которые давали возможность противнику охватывать позиции обороны и выходить ей в тыл» [Чуйков 1980: 32–33].

Советским войскам пришлось противостоять танковым и механизированным соединениям противника, не имея к началу боевых действий даже достаточного количества полевых укреплений. Ворошиловградский оборонительный район на левом берегу Северского Донца оказалось вообще невозможно использовать, поскольку он не был рассчитан на организацию обороны при наступлении противника с севера. Усилия сотен тысяч жителей региона и военных строителей оказались в значительной степени потрачены впустую. Части РККА с трудом избежали катастрофы, понеся большие потери в живой силе и технике при переправах через Дон. Между тем реки, озера и искусственные водоемы могли превратиться в преграды на пути противника. Так, взрыв плотины Весёловского водохранилища неизвестным советским героем 27 июля позволил задержать на несколько дней переправу немецкой бронетехники через Маныч [Матишов, Афанасенко и др. 2012: 107].

Переправа через Дон открыла вермахту дорогу на юг. Командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С. М. Буденный 25 июля в донесении в Ставку Верховного Главнокомандования писал о невозможности имевшимися силами остановить вражеское наступление, предла-

гая отвести войска за реки Кубань и Терек, а еще надежнее — в предгорья Главного Кавказского хребта, где противник не мог реализовать свое превосходство в технике. К такому же выводу пришел и Генеральный штаб РККА. Генерал С. М. Штеменко вспоминал: «Мы в Оперативном управлении, рассчитав все и взвесив, пришли к выводу, что с танками противника в кубанских степях бороться будет трудно, тем более что на Северном Кавказе у нас имелось много конницы и мало противотанковых средств, а подходящих рубежей для организации обороны поблизости не было. Поэтому мы считали, что строить оборону надо по реке Терек и предгорьям Кавказского хребта» [Штеменко 1989: 56].

Но использование Кавказских гор в качестве оборонительного рубежа также требовало определенных усилий. Однако советское командование не готовилось к обороне горных перевалов, считая, что они не пригодны для ведения боевых действий. Вплоть до начала августа большинство перевалов вообще не были прикрыты войсками. В то же время командование вермахта направило сюда специальные горнострелковые соединения. Особенно хорошо была обучена, вооружена, экипирована и подготовлена к боям в горах 1-я горнострелковая дивизия вермахта, командиры которой располагали подробными картами местности и хорошо ее знали по довоенным посещениям.

Быстрое продвижение горнострелковых частей противника вынудило советское командование срочно бросать в бой всех, кто оказался под рукой, — не имевшие соответствующего опыта и совершенно не подготовленные к действиям в горах стрелковые части, курсантов военных училищ, бойцов дивизий внутренних войск [Безугольный 2013]. В спешном порядке пришлось создавать специальные горнострелковые отряды, в состав которых включали альпинистов-инструкторов. Хотя противник овладел перевалами, дальше продвинуться он так и не сумел. На флангах, в предгорьях Кавказа — в районе Орджоникидзе и Туапсе, усилиями военнослужащих РККА и местных жителей были созданы мощные оборонительные рубежи [Тюленев 2007: 315]. Только максимальная концентрация всех сил и средств с использованием особенностей местности позволила остановить, а затем и отбросить противника.

Специфика природных условий в значительной степени предопределила характер и содержание боевых операций на астраханском направлении. Ильмени и болота, превращающиеся летом в солончаки, препятствовали прохождению бронетехники, пыльные бури уменьшали видимость до нескольких десятков метров, а голые калмыцкие степи, практически лишенные растительности, создавали свои трудности для действий как частей вермахта, так и соединений РККА. По словам командующего артиллерией 28-й армии, генерал-майора И. А. Устинова, войска были вынуждены «располагаться исключительно в открытом поле или землянках. Полное отсутствие стройматериалов и топлива не позволяет эти землянки отапливать и покрывать» [Цит. по: Шеин 2009: 10–11]. Это подтверждает рядовой участник боев П. С. Редкозубов, начавший войну курсантом Астраханского пехотного училища: «Нигде ничего нет, голые пески, полынь. Палатки были, в палатке замотался и спишь. Было зябко, особенно если кто-то ее выкинул. Кто-то копал ямку, но особенно не выкопаешь, что у нас было — такая лопаточка. А там ветер песок гонит, дюны большие нагоняет» [Респондент Редкозубов]. В условиях небольшой концентрации войск широкое распространение здесь получили действия диверсионно-разведывательных групп [Матишов, Афанасенко и др. 2012: 99].

Свое влияние на ход боевых действий оказывали особенности климата и погодные условия. В степях юга страны климат умеренно континентальный, с теплым, даже жарким летом, в течение которого средняя температура воздуха нарастает, а относительная влажность, напротив, уменьшается, приводя к засухам и суховеям. Местные жители привыкли к такому климату, но военнослужащим и вермахта, и РККА пришлось пройти через серьезные испытания, впечатления от которых нашли отражение в их воспоминаниях и дневниках. Так, унтер-офицер 297-й пехотной дивизии А. Хеймессер отмечал в своем дневнике 9 июля: «Сегодня 50 градусов жары. Вдоль дороги в обмороке лежат пехотинцы, на протяжении километра я насчитал 27 человек» [Сталинградская эпопея 2000: 131]. Жара держалась практически до конца лета. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер 8 августа указал, что температура воздуха доходила до 55° С [Гальдер 2012: 673].

Зной и жара сделали чрезвычайно затруднительными сами передвижения в открытой степи. Прошедшие не одну кампанию военнослужащие вермахта с сожалением констатировали: «При жаре днем наблюдается намного более высокая температура в июле по сравнению с Центральной Европой». Они перешли на облегченный вариант формы: «Все — от писаря до командующего — носят шорты и безрукавки» [Подевильс 2010: 61]. Однако и это не спасало. Офицеру 6-й полевой армии И. Видеру летнее наступление запомнилось колоннами «обессиленных людей, бредущих по бесконечной степи, днем под палящим солнцем в клубах пыли, ночью — в пламени многочисленных степных пожаров, которые часто тянулись на много километров» [Видер 1965: 39].

Еще больше трудностей испытывали отступавшие советские войска. По словам Н. П. Тетюнниковой — медсестры 229-й стрелковой дивизии, встретившей противника после двухсоткилометрового марша под бомбежкой на передовых позициях на реке Чир, «условия ведения боя были очень трудными: голая степь, изрытая балками, была удобна для механизированных частей противника и совсем не выгодна для наших войск». Она отмечала невероятную жару и ожесточенные бои в тяжелейших условиях: «Пять бесконечно долгих дней и ночей — без отдыха, без еды и питья — велась смертельная схватка: нужно было прорвать вражеское кольцо, выйти из окружения и соединиться со своими» [Тетюнникова]. Ветеран 33-й гвардейской стрелковой дивизии А. Паловой также вспоминал: «Это трудное лето было знойным, жара стояла за сорок. Нас мучила жажда, но не на всех хуторах мы находили воду. Часто за нее приходилось идти в атаку. А есть совсем было нечего — основной пищей для нас была созревшая рожь» [Цит. по: Курченко 2010: 53].

Вопросы обеспечения водой воинских частей приобрели важнейшее значение во всей системе снабжения как РККА, так и вермахта. Командир 33-й гвардейской стрелковой дивизии генерал А. И. Утвенко признавался писателю и военному корреспонденту К. М. Симонову, что выход из окружения в 1941 г. — «это все семечки по сравнению с нынешним, летним, где за каждый грамм воды — драка. За воду ходили драться. Бросали гранаты, чтобы котелок воды отбить у немца, а жрать было нечего» [Симонов 1977: 42]. В свою очередь, И. Ви-

дер вспоминал: «Не хватало воды, жажда терзала людей; я вспоминаю пересохшие степные колодцы, однообразную и скудную походную пищу (снабжение не поспевало за наступавшими войсками) и, наконец, мириады мух, не дававших нам покоя. Тогда в частях начались желудочные и другие инфекционные заболевания, вспыхивали эпидемии малярии, а под конец и желтухи. Многие в глубине души ждали тогда болезни как избавления, рассчитывая попасть в тыловые госпитали еще до начала страшной русской зимы» [Видер 1965: 39]. Летом 1942 г. даже происходили столкновения румынских и немецких подразделений с применением артиллерии за обладание колодцами. Пришлось на каждый колодец выставить в качестве охраны по роте СС с двумя танками [Веремеев]. Растрескавшаяся земля превращалась в камень, делая чрезвычайно затруднительным рытье окопов.

Борьба за воду приобрела приоритетный характер и в Калмыкии. Единственными источниками водоснабжения здесь являлись колодцы, расположенные друг от друга на расстоянии в 20–30 км. Вода в них была очень низкого качества и в ограниченном количестве [Шейн 2009: 10]. П. С. Редкозубов вспоминал: «Не было воды. Где-то холодный колодец, туда посылают, а там немцы посадили снайпера. Кто пошел — там и остается, ни воды, ничего. Котелок в снег кинешь, потаял, выпил, и все. Я там как на каторге был, но выдержали все» [Респондент Редкозубов].

Середина лета для юга страны характеризуется сильными дождями с грозами. 15 июля Ф. Гальдер записал, что сражению на юге «несколько мешают грозы и дожди». Через три дня, 18 июля он вновь посетовал на плохую погоду: «Сильные грозы ночью серьезно замедлили и осложнили передвижение войск и их снабжение горючим». Запись, датированная следующим днем, позволяет понять, что особые затруднения погода доставляла танковым и моторизованным соединениям, определявшим успех действий вермахта: «Сильные ливни затрудняют продвижение войск на юге, хотя и следует отметить успехи пехоты, не имеющей машин, при преследовании противника на многих участках» [Гальдер 2012: 655, 658, 659].

Как правило, в первой половине осени в большинстве регионов на юге страны еще сохраняется теплая погода, хотя нередко

сильные проливные дожди. Но многочисленные свидетельства очевидцев позволяют считать, что в 1942 г. холода пришли рано. Уже 16 сентября А. Хеймессер записал в дневнике: «Проклятый холод! Вечером нам сообщили “приятную новость”, что в дивизии уже готовятся к зимовке на фронте. Заготовительная команда уже отправлена. Направлены также отряды для доставки леса для строительства блиндажей» [Сталинградская эпопея 2000: 134]. Взятый в плен в конце октября 1942 г. солдат 371-й пехотной дивизии В. Зоммер утверждал: «Из теплых вещей мы пока получили перчатки и подшлемники, о других вещах ничего не слышно» [Сталинградская эпопея 2000: 124]. Потому немцы и их союзники всю грабили местных жителей, отнимая теплые вещи.

В горах Кавказа 13 октября ударили морозы и пошел снегопад. Снег закрыл перевалы: уже через пять дней высота снежного покрова достигла 0,8 м, а к концу месяца доходила до 2 м. В начале ноября на Кавказе начался период интенсивных дождей, создавших дополнительные трудности. По словам В. Тике, «мелкие ручейки стали бурлящими реками. Глинистая почва превратилась в вязкую кашу... Снабжение превратилось в сложную проблему. Временами оно совсем прекращалось» [Тике 2005: 230, 255].

Со второй половины ноября морозы пришли в донские и приволжские степи. В декабре температура здесь колебалась от 0 до -10°C, а в январе опускалась ночью от 14 до 23°C мороза. Вступивший в командование армией незадолго до контрнаступления под Сталинградом, П. И. Батов утверждал: «Противнику было легче: он сидел в траншеях, подготовленных землянках и блиндажах, их оборона в глубине и по фронту проходила через множество населенных пунктов, оврагов и балок. У нас же, куда ни кинешь взор, — бескрайняя степь. Негде укрыться и обогреться. У войск ни дров, ни воды». Воду приходилось доставлять за 12–15 км, а из-за отсутствия дров нечем было отапливать землянки и блиндажи [Батов 1968: 537]. К тому же в целях маскировки нельзя было разжигать костры и пользоваться отопительными печками. Но затем испытаниям холодом подверглись отступавшие, дезорганизованные и деморализованные части противника.

Уже по окончании Великой Отечественной войны один из главных героев Сталин-

градской битвы В. И. Чуйков вспоминал: «По всем нашим уставам и наставлениям, обороняющийся должен прежде всего оценить противника и местность, на которой он решает принять бой или сражение, и разместить свои силы в наивыгоднейшем положении. Для обороняющегося местность всегда должна быть союзником, она должна дать ему тактические выгоды для контратак, для использования всех огневых средств, для маскировки». В то же время «местность должна по возможности затормозить движение и маневр наступающего, а при инженерном обеспечении — сделать ее недоступной для танков, чтобы наступающий не имел скрытых подступов и как можно дольше находился под огнем обороняющихся» [Чуйков 1980: 33].

Умение считаться с природными условиями, использовать их в своих интересах и не позволять это делать противнику — одно из важнейших качеств настоящего полководца. Анализ боевых операций на юге страны свидетельствует о том, что советские военачальники не всегда учитывали влияние природного фактора. Некоторым просто не хватило опыта, другие оказались послушными исполнителями не всегда продуманных приказов вышестоящего начальства. Исправлять ошибки военачальников нередко приходилось ценой героических усилий, а то и жизнью сотен тысяч рядовых бойцов и командиров. Только в условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне произошли изменения в советской тактике, а при подготовке наступательных и оборонительных операций стали лучше учитываться природные условия, в частности, использоваться макеты местности, позволявшие детально представить особенности предстоявших сражений [Батов 1968: 527]. Это и стало одним из важнейших условий Победы, начало которой было заложено в сражениях 1942–1943 гг. на юге страны.

Источники

Респондент: Редкозубов Петр Семенович, 1923 г.р. Интервьюеры: Е. Ф. Кринко, М. В. Медведев, Т. П. Хлынина. Место проведения: Ростов-на-Дону, квартира интервьюируемого. Дата проведения: 11 апреля 2014 г. Длительность: 104 минуты.

ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Литература

- Батов П. И.* На ударном направлении // Сталинградская эпопея. М.: Наука, 1968. С. 517–544.
- Безугольный А. Ю.* Заоблачный фронт: боевые действия советских войск в районе г. Эльбрус в 1942 г. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 120–127.
- Веремеев Ю.* История инженерных войск Русской армии. Краткий очерк. Сапер [Электронный ресурс] URL // http://army.armor.kiev.ua/engeneering_history3.shtml. (дата обращения: 16.01.2014).
- Видер И.* Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М.: Прогресс, 1965. 336 с.
- Гальдер Ф.* Военный дневник (июнь 1941 – сентябрь 1942). М.: Астрель, 2012. 704 с.
- Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи» (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1973. 664 с.
- Жуков Г. К.* Разгром немецких войск в районе Дона, Волги и Сталинграда // Сталинградская эпопея. М.: Наука, 1968. С. 17–72.
- История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М.: Политиздат, 1970. 736 с.
- Krinko E. F.* Spring Flooding and Its Consequences for the Soviet Defences against the Wehrmacht at the Lower Don in 1942 // Военный сборник. Российский военный журнал. 2014. Т. 3. № 1. С. 41–50.
- Курченко Н.* 33-я гвардейская стрелковая дивизия. 1941–1945 гг. Волго-Донск: Волго-Дон. полиграфобъединение, 2010. 195 с.
- Маляров В. Н.* Строительный фронт Великой Отечественной войны. Создание стратегических рубежей обороны и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб.: ВИТУ, 2000. 348 с.
- Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф., Курбат Т. Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 284 с.
- Матишов Г. Г., Кринко Е. Ф., Артюхин Ю. В.* Влияние природных факторов на ход и характер боевых действий в большой излучине Дона во время Великой Отечественной войне // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10. № 2. С. 83–92.
- Подевильс К.* Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта на Восточном фронте. 1942–1943. М.: Центрполиграф, 2010. 192 с.
- Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Издат. дом «Звонница», 2000. 490 с.
- Симонов К. М.* Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 2. М.: Молодая гвардия, 1977. 183 с.
- Тетюнникова Надежда Павловна* (сержант). Воспоминания. Я помню [Электронный ресурс] URL // [http://army.lv/ru/Tetyunnikova-Nadezhda-Pavlovna-\(serzhant\).-Vospominaniya.-/1002/2502](http://army.lv/ru/Tetyunnikova-Nadezhda-Pavlovna-(serzhant).-Vospominaniya.-/1002/2502). (дата обращения 12.01.2014).
- Тике В.* Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943 гг. М.: Эксмо, 2005. 448 с.
- Тюленев И. В.* Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2007. 432 с.
- Чуйков В. И.* От Сталинграда до Берлина. М.: Воениздат, 1980. 713 с.
- Шейн О. В.* Неизвестный фронт Великой Отечественной. Кровавая баня в калмыцких степях. М.: Яуза, Эксмо, 2009. 288 с.
- Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1989. 560 с.